

Об историко-социологической концепции Александра Солженицына

Историческая наука соприкасается, а иногда и сталкивается с исторической беллетристикой в том, что касается достоверности отдельно взятых исторических фактов. Писательским вольностям в этой сфере несть числа, а когда кто-либо упрекнет романиста в неточности, то он спешит сослаться на свободу художественного вымысла, даже если речь идет о дате рождения или смерти известных лиц, которые имеются в самых доступных энциклопедических изданиях. Мне уже приходилось выступать в печати по этому поводу, и я убедился в безрезультатности попыток убедить беллетристов в том, что историческая правда никак не может быть помехой писателю при решении его специфических художественных задач¹. Впрочем, есть и такие писатели, для которых исторические аксессуары имеют чисто декоративное значение².

Как исторический беллетрист А. Солженицын импонирует профессиональным служителям богини Клио своим стремлением как можно полнее познакомиться с печатными, архивными и иными источниками, освещающими события тех пред-октябрьских десятилетий, которые стали предметом художественного осмысления в его грандиозном «Повествовании в отмеренных сроках». Со временем об исторических реалиях «Красного колеса», наверняка, будет написана не одна монография, не говоря уже об отдельных статьях и заметках источниковедческого характера. Нет сомнений, что именно это замечательное произведение будет определять отношение российской общественности к той очень важной для судеб страны переломной эпохе, которая в нем описывается. Не касаясь конкретной фактографии названного и других художественных произведений Солженицына, посвященных прошлому, попытаюсь ниже изложить взгляды писателя на историческую беллетристику и воспроизвести его историко-социологическую концепцию. При этом буду основываться прежде всего на тех публицистических выступлениях писателя, которые пока еще труднодоступны российскому читателю³.

О своем понимании специфики жанра и задач исторической беллетристики Солженицын высказывается довольно скупо. В феврале 1976 года в своем телеинтервью по поводу выхода в свет книги «Ленин в Париже» Солженицын определил жанр этого произведения как художественное исследование и заявил,

¹ Дьяков В. Факты или вымысел? «Звезда», 1969, № 9; его же. Исторические реалии «Хаджи-Мурата». «Вопросы истории», 1973, № 5; его же. Реалистические традиции русской и советской беллетристики. «Вопросы истории», 1984, № 3.

² См. В творческой мастерской. «Минувшее меня объемлет живо...» «Вопросы литературы», 1980, № 8, стрю 133, 136.

³ Соответствующие тексты опубликованы в 9-м и 10-м томах «Собрания сочинений», вышедших в издательстве «IMCA-PRESS», Вермонт — Париж, 1981. Далее ссылки на эти тома для экономии места даются непосредственно в тексте.

Дьяков В. А. - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

что целью его было «восстановить историю в ее полноте, в ее многогранности». По сравнению с историком, пояснил он при этом, «художник может глубже и больше увидеть благодаря пронизывающей силе ... художественного видения». В статье «Иметь мужество видеть», опубликованной в июльском номере журнала «Форин Афферс» за 1980 год, Солженицын следующим образом определил задачи и жанр «Красного колеса»: «Историей русской революции я занимаюсь более 40 лет, сейчас оканчиваю 8-томное повествование, которое начнет выходить по-русски через два года, по-английски может быть через пять. В объемном художественном анализе открываются... коренные пороки и ошибки многовекового русского развития» (т. 9, с. 345).

Из того, что как-то приоткрывает творческую кухню Солженицына, представляется существенным следующее высказывание, относящееся к 1976 году: «Вымышленных лиц писатель ставит тогда, когда ему нужно соединение между простой человеческой психологией и событиями историческими. Но невозможно описывать... крупные исторические события... без прямого описания исторических лиц» (т. 10, с. 503—504). В беседе со студентами-славистами Цюрихского университета (февраль 1978 года) писатель сказал: «Вся надежда исторического романиста на верность чувств, поскольку человечество ... биологически мало изменилось». В то же время он признал, что исторический романист, обращаясь к более отдаленной эпохе, рискует допустить большие ошибки. Говоря о необходимости воссоздания исторических событий во всей их подлинной реальности, Солженицын сообщил в ходе этой беседы, что во время Отечественной войны 1941—1945 годов он оказался в тех местах, где разворачивались основные события, описанные в «Августе Четырнадцатого», и это значительно облегчило его писательскую задачу (т. 10, с. 489—490).

Краткая, но очень емкая характеристика Солженицына как автора исторической прозы дана Ю. Кублановским. Солженицына он относит к тому типу русских писателей, которые свой дар и свое писательство рассматривают как служение истине и России. Если же говорить о социальном идеале Солженицына, читаем у Кублановского, то, «во-первых, он неотделим от этического начала; а во-вторых, состоит, очевидно, в преемственном поступательном совершенствовании власти целокупно с политической трезвостью, опирающейся на евангельскую мораль и чувство ответственной любви к Отечеству»⁴.

Христианские корни.

Говоря о мировоззрении Солженицына, нельзя забывать о том, что он является искренне и глубоко верующим христианином. Слово Бог писатель считает необходимым писать только с заглавной буквы, поскольку речь идет о понятии, обозначающем «высшую творческую силу Вселенной» (т. 10, с. 439). При рассмотрении вопроса о воздействии на исторический процесс материальных и духовных факторов Солженицын безоговорочно отдает предпочтение последним. Человеческое общество, заявляет он, это не временный плод социальных формаций, а сложный, яркий, неповторимый и не людьми изобретенный организм. Социальные общности даже самого крупного масштаба Солженицын «очеловечивает», доказывая, что их природу можно познать только в сопоставлении с чувствами и поведением индивидуума в его частной жизни.

В статье Солженицына «Раскаяние и самоотречение как категория национальной жизни» (ноябрь 1973 года) читаем: «Трудно понять ... почему оценки и требования, так обязательные и столь применимые к отдельным людям, семьям, малым кружкам, личным отношениям,— уж вовсе сразу отвергаются и запрещаются при переходе к тысячным и миллионным ассоциациям? На такое распространение никак не меньше оснований, чем из грубого экономического процесса выводить

⁴ Кублановский Ю. Хроника, роман, эпос... <Книжное обозрение>, 1989, № 42, с. 4-5

сложное психологическое поведение общества... Представляется весьма плодотворным: не избегать рассмотрения общественных явлений в категориях индивидуальной душевной жизни и индивидуальной этики». Основываясь на изложенных соображениях, Солженицын рассматривает политические партии как «вполне бесчеловечные образования», ибо сама цель их существования «за-прещает им каяться». Зато нации для него — «живейшие образования, доступные всем нравственным чувствам ... также и раскаянию» (т. 9, с. 48—49).

Приведенные рассуждения Солженицын подкрепляет цитатой, взятой им из «Дневника писателя» Ф. Достоевского. Высказанное рядом утверждение о том, что «между личностью и нацией сходство самое глубокое — в мистической природе нерукотворности той и другой» (т. 9, с. 49), позволяет говорить о сходстве построений Солженицына со взглядами русских философов-идеалистов предреволюционных десятилетий. Н. Бердяев, например, в одной из своих работ утверждает, что за национальностью стоит высшая онтологическая основа, что природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам, а в другой работе заявляет: «Пролетариат... такая же невидимая вещь, как и нация. Поэтому позволительно избрать нацию предметом своей веры. А догматы материализма так же вненаучны и так же недоказуемы, как и догматы христианского богословия»⁵.

По мнению Солженицына, морально-этические категории раскаяния и самоограничения, ставши составной частью национальной психологии, могут и должны оказывать весьма значительное, а моментами и решающее влияние на ход истории. Ярким подтверждением указанного тезиса писателю представляется восточная политика ФРГ в период канцлерства В. Брандта, когда она руководствовалась, по его заключению, нравственным импульсом, а не государственным расчетом. Дар раскаяния, по словам Солженицына, когда-то заливал собой обширную долю русской природы, но после бездушных реформ Никона и Петра I «началось вытравление и подавление русского национального духа, началось и выветривание покаяния». По убеждению писателя, одинаково много зла принесли человечеству Великая французская революция, Третий райх, «марксизм сам по себе», а также Октябрьская революция и гражданская война в нашей стране, поскольку во всех них наличествовали бездуховность, черты иностранного нашествия.

Поле раскаяния для России и русского народа Солженицын считает бесконечным. Раскаяния, по его убеждению, требуют, в частности: притеснение русскими коренных сибирских народов; участие в разделах Польши и подавлении польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 годов; советско-германский пакт 1939 года; катыньские расстрелы и отказ от поддержки Варшавского восстания в 1944 году. В свою очередь, и полякам есть в чем покаяться перед русским народом. По отношению к окраинным народам России, считает Солженицын, раскаяние русских будет полным только в том случае, «если мы дадим им полную свободу решать свою судьбу». Необходимое самоограничение русских, утверждает Солженицын, будет заключаться в отказе от «имперской внешней политики», расторжении некоторых слишком тесных связей между республиками, в общей ориентации на приоритетное развитие северо-востока страны (т. 9, с. 53—78).

В морально-этической слагающей концепции Солженицына видное место занимает понятие «свобода». Содержание его раскрыто в выступлении писателя при получении премии «Фонда свободы» (Стенфорд, 1 июня 1976 года): «Подлинно человеческая свобода — есть от Бога нам данная свобода внутренняя, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них» (т. 9, с. 278). В решении этого вопроса Солженицыным явно ощущается влияние славянофильских и почвеннических традиций, воззрений Достоевского, Вл. Соловьева и особенно Бердяева. В предисловии к своей работе «Философия свободы», написанном в 1911 году, Бердяев заявил: «В основе «философии свободы» лежит

⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990, с. 92, 95; его же. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 40.

деление на два типа мироощущения и мироотношения — мистический и магический. Мистика пребывает в сфере свободы, в ней — трансцендентный прорыв из необходимости естества в свободу божественной жизни. Магия еще пребывает в сфере необходимости, не выходит из заколдованности естества». Глава «О христианской свободе» конкретизирует и развивает эти положения. «Свободу совести,— говорится в ней,— защищает безрелигиозный, холодный к вере мир, как формальное право, как одно из прав человека и гражданина... Свобода религиозная, свобода совести не есть право ... Свобода в религиозной жизни есть обязанность, долг ... Христианская религия есть свобода во Христе»⁶. Сходство позиций в их основной сущности настолько очевидно, что какие-либо комментарии представляются излишними.

Философия истории

Исходя из указанных морально-нравственных критериев и убеждения о решающем значении не материального, а духовного фактора в историческом процессе, Солженицын попытался создать собственную схему развития человеческого общества. В «Слове» при получении премии «Золотое клише» (Нью-Йорк, 31 мая 1974 года) он, в частности, заявил: «... Все мы, все цивилизованное человечество ... совершило долгий орбитальный путь ... Возрождение—Реформация—Просвещение—физические кровопролитные революции—демократические общества—социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро средние века когда-то не удержали человечества от того, что построение Царства Божьего на Земле внедрялось насильственно ... Нас тянули, гнали в Дух насильно, и мы рванули, нырнули в Материю, тоже неограниченно». Господство духовного сменилось господством материального, пока последнее не изжило себя. «... Цивилизованное человечество,— говорится далее,— подошло сейчас к повороту мировой истории ... по значению такому же, как от средних веков к Новому времени,— если только по безопасности и упадку духа мы не пропустим этого поворота», если «научимся соблюдать достойную гармонию между нашей природой физической и природой духовной» (т. 9, с. 176—178).

Продолжение этих рассуждений содержится в другой речи Солженицына — в выступлении перед представителями американских профсоюзов (Вашингтон, 30 июня 1975 года). О современной эпохе в этой речи говорится как о великом повороте, подобном повороту от средних веков к Возрождению. Как тогда, человечество разглядело ошибочный нетерпимый уклон позднего средневековья, так теперь пришло время разглядеть губительный уклон позднего Просвещения. «Нас,— говорил Солженицын,— глубоко затянуло рабское служение приятным, удобным материальным вещам ... и продуктам. Удастся ли нам встряхнуться от этого бремени и расправить вдунутый в нас от рождения Дух, только и отличающий нас от животного мира?...» (т. 9, с. 267—268).

Из глобальной по размаху и вечной борьбы «Духа» с «Материей» выводит Солженицын социалистические идеи, которые представляются ему чем-то вроде дьявольского воплощения вселенского зла. В речи перед выпускниками Гарвардского университета (июнь 1978 года) он заявил: «Что социализм всякий вообще и во всех оттенках ведет ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть ... показал академик Шафаревич в своей блестяще аргументированной книге "Социализм"»⁷. Рост популярности социалистических идей, «сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом», как и появление марксизма, Солженицын связывает с нисходящей стадией эпохи Просвещения, утверждая при этом, что держаться сегодня за окостенелые формулы указанной эпохи — это ретроградство. «Мир,— заключает писатель,— подошел сейчас к повороту истории, по значению равному пово-

⁶ Там же, с. 13, 192—194.

⁷ Речь идет о книге: Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

роту от средних веков к Возрождению,— и потребует от нас духовной вспышки, подъема ... на новый уровень жизни, где не будет, как в средние века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша [природа] духовная» (т. 9, с. 289—297).

С повышенной оценкой роли чисто духовного начала в истории связано с Солженицына двойственное отношение к интеллигенции, отразившееся в его статье «Образованщина», написанной в 1973 году. По собственному признанию писателя, его подход к интеллигенции сложился под влиянием сборника «Вехи», вышедшего в 1909 году и пользовавшегося успехом в идейно-политических кругах, утративших веру в общественный прогресс после разгрома революции 1905—1907 годов. Солженицын приписывает «Вехам» пророческую глубину и выражает сожаление, что эта книга не нашла, сочувствия читающей публики, не повлияла на развитие событий в России. При этом он добавляет: «„Вехи“ и сегодня кажутся нам посланием из будущего». Интеллигенция, заявлял Солженицын в статье «Образованщина»,— «слой психический, а не социальный».

Связывая решающие критерии интеллигенции с душой, а не с образованием, Солженицын отказывается причислять к этому слою инженерно-технических работников, военных, духовенство. В Советском Союзе, пишет он, оставшуюся в стране часть интеллигенции на протяжении 30-х годов перевели в разряд «совс-лужащих»; к ним же приравнивали фактически членов творческих союзов. Всех их вместе Солженицын предлагает называть не интеллигенцией, а «образованщиной» (т. 9, с. 79, 84, 88—89, 112). Существенное различие позиций истинной интеллигенции и этого якобы единого конгломерата Солженицын считает источником острых общественных противоречий. Кто же искони был силой не разъединяющей, но объединяющей? На этот вопрос дается следующий ответ: «Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка — главной скрепы нации — и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души» (т. 9, с. 7—23).

Для уяснения трактовки Солженицыным нашей отечественной истории важно написанное им предисловие к русскому изданию книги В. Леонтовича «История либерализма в России»⁸. Вполне сочувственно Солженицын воспринял то, что, противопоставляя либеральные течения революционным, автор однозначно становится на сторону либералов. Вместе с Леонтовичем писатель осуждает декабристов за радикализм, который роковым образом отразился на либеральном движении России, вслед за ним положительно оценивает «широту гражданских свобод», предоставленных гражданам России манифестом 17 октября 1905 года и подкреплявшими его законами, «глубину русской государственной мысли» начала XX века. Свое несогласие с автором книги Солженицын высказал только по двум вопросам. Ему не нравится то, что Леонтович, во-первых, «почти враждебно отзывается» о славянофилах, во-вторых, что он положительно характеризует освобождение дворян от государственных повинностей во второй половине XVIII века. «Чувство протестует против такого истолкования,— заявляет Солженицын,— ибо именно это освобождение одних дворян укрепило искаженное понятие об их землевладении и надолго стало препятствием к освобождению крестьянского народа» (т. III, с. 461—463).

Расцвет и излом в истории России

Солженицын убежден, что пика своего исторического развития наша страна достигла накануне первой мировой войны. Среди крупных деятелей этого периода наибольшими симпатиями писателя пользуется министр внутренних дел и председатель совета министров в 1906—1911 годах П. Столыпин. Существует несколько принадлежащих Солженицыну похвальных отзывов о нем; одно из его выска-

⁸ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. Париж, 1980.

зываний, призывающее отдать должное «настойчивому либерализму» царского сановника, содержится в рецензии на книгу Леонтовича (т. 9, с. 147; т. 10, с. 462). В статье «Коммунизм: у всех на виду и не понят» (январь 1980 года) Солженицын утверждает: «Россия перед войной 1914 года была страна с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой... с заложенными началами рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти». Война и революция, убежден писатель, привели Россию к страшной трагедии (т. 9, с. 311—313).

Развивая эту тему на приеме в Гуверовском институте в мае 1976 года, Солженицын сказал, что СССР — это страна, которая «реально, бурно живет, а между тем ведет себя как некая археологическая древность: хребет ее истории перебит, память провалена, речь отнялась» ... Советский Союз, по его убеждению, вовсе не является естественным продолжением старой России. Переход от дооктябрьской России к СССР, утверждает писатель, — «есть не продолжение, но смертельный излом хребта, который едва не кончился полной национальной гибелью. Советское развитие не продолжение русского, но извращение его, совершенно в новом неестественном направлении, враждебном своему народу (как и всем соседним, как и всем остальным на Земле)».

Виновниками такого хода событий писатель считает не только большевиков, но и все предшествовавшие им поколения революционеров XIX века. Именно революционные и фрондирующие политические эмигранты из России, утверждает Солженицын, создали на Западе «искаженную, непропорциональную, предвзятую картину нескольких русских столетий ... они совсем не имели возможности, да и не хотели знать и прочувствовать глубины тысячелетней народной жизни». Перед первой мировой войной, убежден писатель, Россия переживала «момент ее самого обнадеживающего экономического и социального развития», а революционеры и политические эмигранты тех лет были «отрицателями России, ненавистниками ее жизненного уклада и ее духовных ценностей» (т. 9, с. 269—273). С октября 1917 года, по мнению Солженицына, началась мировая катастрофа; социализм, утверждает он, «обошелся нынешнему Советскому Союзу с 1917 по 1959-й в 110 миллионов человек». Подтверждается эта цифра ссылкой на труды «русского профессора статистики Ивана Курганова» (т. 9, с. 259)⁹.

Выступление Солженицына в июне 1975 года перед представителями американских профсоюзов было посвящено главным образом перечислению грехов советской власти и коммунистической системы. Начинается речь с пересказа содержания брошюры, изданной в Петрограде в 1918 году и описывающей жестокое подавление забастовки питерских рабочих в марте этого года. Комментируя содержание брошюры, писатель говорил о том, что после 1917 года в нашей стране никогда не было и нет свободных профсоюзов, зато существует «союз наших коммунистических вождей и ваших капиталистов», начало которому положила деятельность А. Хаммера. В вину коммунистической идеологии как системе Солженицын поставил в этой речи то, что она: пришла к власти путем вооруженного переворота; разогнала Учредительное собрание; капитулировала перед Германией; ввела бессудную расправу и учредила ЧК; подавляла рабочие забастовки; невыносимо грабила деревню; мужицкие восстания давила кроваво; разгромила церковь; в 1921 году довела до бездны голода двадцать губерний.

Осуждая «красный террор», Солженицын привел статистику казней, которая теперь часто используется нашими публицистами: за 80 лет, предшествовавших Октябрьской революции, в среднем за год в России казнили 17 человек, в 1918—1919 годах — ежемесячно 1000 человек, в 1937—1939 годах — ежемесячно 40 тыс. человек. Советскую систему писатель называет тоталитарной и сожалеет, что она не была ликвидирована после второй мировой войны. «Мировая демократия, —

⁹ Речь идет о статье Курганова, опубликованной в США (газета «Наше русское слово», 12 апреля 1964). По мнению специалистов-демографов, в том числе зарубежных, цифра 110 млн сильно преувеличена.

заявляет он, — могла бы разбить один тоталитаризм за другим — германский и советский. Вместо этого она укрепила советский тоталитаризм и позволила родиться третьему тоталитаризму — китайскому» (т. 9, с. 206—214).

Солженицын весьма отрицательно относится и к социализму, и к коммунизму, не делая различия между ними. В «Письме вождям» Солженицын утверждает: «Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал ни единого события в цифрах, количествах, темпах, что сегодня шутя делают электронные машины при социальных прогнозах, да только не марксизмом руководствуясь, но поражает марксизм своей экономико-механистической грубостью в попытках объяснить тончайшее человеческое существо и еще более сложное миллионное сочетание людей — общество». В речи перед представителями американских профсоюзов в июле 1975 года Солженицын попытку представить общество и человека с коммунистических позиций сравнил с употреблением хирургом топора при проведении тонкой операции. «Коммунизм, — уверял он, — никогда не скрывал, что он отрицает всякие абсолютные понятия нравственности ... И теория, и практика коммунизма совершенно античеловечны ... коммунизм есть античеловечность». В выступлении по английскому телевидению в феврале 1976 года писатель, в частности, заявил, что не существует единого и четкого определения понятия «социализм», что социализм избегает логики потому, что «он — эмоциональный порыв, приземленная религия». При этом он ссылаясь на сочинение, автор которого фигурировал в его речи как «мой друг академик Игорь Шафаревич» (т. 9, с. 157, 233—234, 265).

Тем же февралем 1976 года датирована статья Солженицына об этом сочинении Шафаревича. Писатель очень высоко оценивает книгу, причем особенно подчеркивает, что ее автор не является специалистом по общественным наукам. «Книга, — пишет Солженицын, — появляется не под пером гуманитария — вся прослойка ученых-гуманитариев наиболее основательно задушена у нас от Октябрьской революции и по сегодня». Ссылаясь на книгу Шафаревича и собственные размышления, Солженицын высказывает убеждение, что для сторонников социализма характерно инстинктивное отвращение к научному анализу, в связи с чем «социалистические учения кишат противоречиями». Суть этих учений излагается им следующим образом: «Социализм стремится редуцировать личность к ее самым примитивным слоям, уничтожить всю высокую, сложную, «богоподобную» часть человеческой индивидуальности. И само равенство, так зажигательно общаемое социалистами всех времен, не есть равенство прав, возможностью или внешних условий для человека, но равенство-тождество, равенство как внутренняя идентификация разнообразного к однообразному» (т. 10, с. 454—456).

Решительно отвергает Солженицын мысль о том, что неоспоримо существующие трудности в развитии социалистических стран хотя бы частично могут быть связаны не с коммунистической доктриной как таковой, а с ее искажениями, допущенными руководящими деятелями, в частности Сталиным. В статье «Иметь мужество видеть» Солженицын заявлял: «... Называть сегодня «сталинизмом» осуществленную 25-летнюю эпоху гигантского коммунистического государства — значит отвлекаясь прикрывать античеловеческую сущность коммунизма — главную угрозу сегодняшнему миру». Подтверждение своей точки зрения писатель видит в сходстве коммунистических доктрин в различных странах; по его убеждению, коммунизм одинаков во всех случаях — «везде тоталитарный ... везде агрессивный: конечная цель мирового коммунизма, всех видов коммунизма — захватить всю планету». Обвиняя западную пропаганду в недооценке этой «опасности», в непонимании смысла и значения призывов к «русскому национальному возрождению», Солженицын писал: «... «Русская секция» радиостанции «Свобода» ... из-за принципиальной чужести и даже враждебности русскому национальному сознанию катастрофически утратила контакт с русским населением и русскими интересами» (т. 9, с. 355, 357—358, 364).

Статья «Сахаров и критика „Письма вождям“» показывает, что взгляды А. Солженицы-

на и А. Сахарова на существующие в стране порядки расходились как минимум по двум пунктам. Во-первых, писатель горячо оспаривал мнение ученого о том, что в эпоху культа личности и застоя руководящие круги Советского Союза не придавали большого значения идеологическим вопросам. «Марксистская идеология,— заявлял Солженицын,— зловонный корень сегодняшней советской жизни, и только очистясь от него, мы можем начать возвращаться к человечеству». Вторым пунктом расхождений было выдвинутое Сахаровым обвинение в «великодержавном национализме», которое Солженицын категорически отвергал, возмущаясь тем, что «за русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других». Писатель утверждает, что его позиция — это всего лишь «русский порыв» к национальному самосознанию, «оборонительный вопль» тонущего народа, протест против слов В. Ленина о «шовинистической великорусской швали», против ставших расхожими издевательских терминов вроде «русопяцтво». В позиции Сахарова, по мнению Солженицына, выразились горячность и поспешность тех, кто без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение». В сборнике «Из-под глыб»,— заявляет писатель,— «разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти путь раскаяния, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «прагматическая дипломатия» и никакие ООН-овские голосования не спасут человечество от гибели» (т. 9, с. 196—199).

Коммунизм и Россия

В январе 1980 года Солженицын опубликовал в журнале «Тайм» статью «Коммунизм: у всех на виду — и не понят», а через месяц в журнале «Форин Аффферс» статью «Чем грозит Америке плохое понимание России». В них писатель не в первый раз указывал ошибки западной пропаганды, одна из которых заключается в том, что «мировую болезнь коммунизма неразделимо смешивают с ... Россией». По мнению Солженицына, Р. Пайпс в книге «Россия при старом режиме» искажил ее облик, преувеличив экономическую и культурную отсталость страны; особенно возмущается писатель статьей Р. Таккера, в которой утверждается, что Сталин брал уроки не у Маркса, а у «гносной русской истории» (т. 9, с. 305).

Полемику с Таккером и другими западными авторами, рассматривающими Октябрьскую революцию как чисто русское явление, Солженицын вел и в статье «Иметь мужество видеть», опубликованной в июльском номере журнала «Форин Аффферс» за 1980 год. Опровергая утверждение Таккера относительно чисто российского происхождения коммунизма, писатель отмечает, что это убеждение восходит к работам Бердяева. По словам Солженицына, Ленин никогда не скрывал своих идейных истоков, связывая их с К. Марксом и Ф. Энгельсом, никогда не приписывал этим истокам «происхождения из русских традиций». Заключение г-на Тривса о том, что результаты выборов 1917 года в Учредительное собрание подтвердили наличие социалистических симпатий в России, Солженицын считает «опрометчивым»; мнение об исторической правомерности Октябрьской революции он полностью отвергает, заявляя, что «переворот Ленина и Троцкого против слабой русской демократии был бандитским». Возражая Таккеру, Солженицын пишет: «Исконно русской чертой объявляются захваты территорий, хотя Англия имела захваты побольше ... И уж тем более колхозы — всемирная социалистическая идея коммуны — объявляются как проявление русского крепостного права» (т. 9, с. 346, 351—354).

Эти идеи подкрепляет особый взгляд Солженицына на структуру и перспективы социального развития российского общества. Крестьянство в его воззрениях рассматривается не столько как социально-экономическая категория, сколько как особый образ жизни и устоявшаяся система духовных ценностей. Противопоставление деревни городу, всяческое восхваление первой и полное неприятие второго — характерная черта мировоззрения писателя. Это наглядно подтверждает, в частности, опубликованный «Литературной газетой» фрагмент

из «Марта Семнадцатого». Он воспроизводит дискуссию в Государственной Думе по поводу доклада министра земледелия А. Риттиха о заготовке хлеба для снабжения фронта и городского населения. Подчеркивая, что даже на третьем году войны в российской деревне было достаточно хлебных запасов, Солженицын с одобрением излагает предложение министра поднять цены на хлеб и оплатить крестьянам его провоз, хвалит «правых», которые поддержали Риттиха. Позицию же «левых», к которым отнесены не только эсеры, меньшевики, социал-демократы, но и кадеты, писатель резко осуждает: по его мнению, для них важна не суть дела, а возможность получить преимущества в борьбе за власть.

Богатый конкретно-исторический материал увенчивается следующей сентенцией теоретико-методологического характера: «Так заканчивался двухсотлетний отечественный процесс, по которому всю Россию начал выражать город, насильственно построенный петровской палкой и итальянскими архитекторами на северных болотах ... А сам этот город выражался уже и не мыслителями с полок сумрачной Публичной библиотеки, уже не быстрословными депутатами Государственной Думы, но — уличными забияками, бьющими магазинные стекла оттого, что этому болоту не успели подвезти хлеба»¹⁰. Город-нахлебник, рассадник нарастающего бунта как антитеза благополучной и добропорядочной кормилицы-деревни, никчемные свары в Думе — вот какой представляется Россия Солженицыну накануне и в период Февральской революции.

Данный аспект историко-социологической концепции Солженицына развивается в статье Шафаревича, озаглавленной «Две дороги к одному обрыву». Статья содержит попытку доказать, что сталинско-брежневский социализм и современный западный капитализм являются одинаково тупиковыми вариантами развития человечества. Можно предположить, пишет Шафаревич, наличие какой-то духовной близости, каких-то существенных общих черт «командной системы» и западного либерального течения прогресса. Как первую, так и второе он одинаково относит к технотронной цивилизации, ведущей человечество к гибели, противопоставляя ей космогоническую или крестьянскую цивилизацию, которая базируется, по его мнению, на многовековых народных традициях и экологически безопасна. Решительно противопоставляя Восток Западу, Шафаревич допускает, что для последнего может быть приемлемой и технотронная цивилизация. «Для нас же,— заявляет он,— самой близкой и понятной является та крестьянская цивилизация, среди которой еще так недавно протекала жизнь наших предков. Вернуться к ней нельзя — в Истории вообще невозможен возврат. Но она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого многому можно научиться и, главное,— «космоцентризму» — жизни в состоянии устойчивого социального, экономического и экологического равновесия»¹¹.

В «Новом мире» на статью Шафаревича была напечатана критическая рецензия Г. Померанца. Во-первых, рецензент возражает против причисления современного капитализма к разряду утопий, ибо его принципы успешно реализованы во многих странах и далеко не исчерпали свой жизненный потенциал для остальных. Во-вторых, в рецензии не без основания говорится следующее: «Сегодня возвращение в деревню возможно только в случае гибели 99% человечества в результате какой-нибудь катастрофы. Если не погибнут наши города, наши коммуникации, превратившие земной шар в единый общий дом, попытки перенести в этот мир деревенскую психологию заранее обречены». Нашей стране, по мнению Померанца, нет иного выхода, как воспользоваться опытом, который накопил Запад,— он во многом предпочтительнее доморощенных проектов или надежд на целительную силу традиций¹².

Разоблачительный заряд огромной силы несет в себе «Архипелаг ГУЛАГ».

¹⁰ Солженицын А. Хлебная петля. «Литературная газета», 20 сентября 1989.

¹¹ Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву. В сб. Позиция. Литературная полемика. Вып. 2. М., 1990, с. 42, 70 и др. В несколько иной — чисто религиозной — форме, но фактически о том же пишет В. Распутин в статье «Из глубин в глубины», посвященной 1000-летию крещения Руси (там же, с. 5—14).

¹² Померанц Г. Мнимые загадки. «Новый мир», 1990, № 4, с. 268-270.

Жанр этого произведения Солженицына трудно определить. Но, думается, все-таки его тоже следует отнести к исторической беллетристике, поскольку оно основывается не только на личном знакомстве писателя с бесконечной вереницей трагических судеб отдельных лиц, которые были репрессированы советской властью едва ли не за все время ее существования, но также на множестве мемуарных, эпистолярных и иных первоисточников, а также на имеющейся литературе. Это единственное в своем роде произведение, которое автор назвал «опытом художественного исследования», воссоздав страшную картину злодеяний сталинизма, а отчасти и их предысторию, оказало значительное воздействие на общественное сознание большинства стран мира, в том числе и на бывший Советский Союз, внесло свой вклад в идеологическую подготовку того поистине эпохального поворота в развитии Восточной Европы, который произошел после 1985 года.

Произведениям Солженицына, особенно «Архипелагу ГУЛАГ», посвятили свои страницы многие из наших периодических изданий. В дискуссии ученых, организованной «Литературной газетой», участвовали доктора исторических наук В. Сироткин и А. Совокин, доктор философских наук А. Ципко. Мнения их разошлись: Ципко по отношению к историко-социологической концепции Солженицына занял апологетическую позицию; Совокин — чаще всего высказывался критически. Наиболее взвешенными представляются мне оценки Сироткина: отдавая должное литературным достоинствам сочинений Солженицына, он пытается вскрыть истоки его воззрений, вникнуть в их существо, показать их слабые и сильные стороны¹³.

Как истинный художник и человек высоких нравственных принципов Солженицын в своем восприятии исторического процесса искренне стремится быть объективным, хочет подняться над описываемыми им политическими дрязгами, над собственными симпатиями и антипатиями. И это ему во многих случаях удается, хотя и далеко не везде. Это отметил, в частности, писатель В. Астафьев. По его мнению, Солженицын, проявив огромное мужество, благородство и внутреннюю культуру, сумел в своих произведениях, в том числе в «Архипелаге ГУЛАГ», подняться над собственными обидами. Но «есть у него и прорывы в «Архипелаге», когда он уже не может сдержаться, орет, пальцем тычет... Особенно кусок про Крыленко»¹⁴.

Будущее России.

Социально-политическую систему, существовавшую в СССР, Солженицын считал совершенно не приемлемой. Свой взгляд на ее преобразование он отчасти высказывал и ранее, а подробно изложил в своей брошюре «Как нам обустроить Россию»¹⁵. Определяя исходные посылки своего подхода, писатель резко осудил стремление во что бы то ни стало сохранить бывшие советские границы, как равно и лозунг «единой и неделимой России», провозглашавшийся до Октябрьской революции 1917 года. «К сожалению, — заявляет писатель, — этот мираж «едино-неделимства» 70 лет несла через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да ведь для «единонеделимца» 1914 года — и Польша «наша» (взбалмошная фантазия Александра I «осчастливить» ее своим попечительством), и никак «отдать» ее нельзя. Но кто возьмется настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так еще больше распрямится от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», столь же необдуманного завоевания Александра II, лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ, на рождение подлинного народного земства» («К. П.», с. 3).

Будущее государство Солженицын предлагает назвать Российским Союзом и

¹³ История, революция, литература. «Литературная газета», 17 января 1990.

¹⁴ Астафьев В. Солженицын. Дорога домой. «Комсомольская правда», 25 октября 1989.

¹⁵ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Носильные соображения. «Комсомольская правда», 18 сентября 1990. Специальный выпуск. Брошюра в газете. Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте.

включить в его состав лишь территории РСФСР, Украины и Белоруссии. В разделе брошюры, озаглавленном «Слово к украинцам и белорусам», содержится призыв: «Братья! Не надо этого жестокого раздела!—это помрачение ком-мунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован — вместе и выберемся». Остальные двенадцать республик, еще входивших тогда в СССР, он считал либо слишком обременительными для предлагаемого Союза, либо окончательно решившими уже добиваться собственного суверенитета. В согласии всех автономных образований внутри РСФСР войти во вновь образуемое государство писатель не выражал сомнения, но прогноз его оправдался не полностью. О народах этих образований в брошюре говорится: «Все они благополучно жили в царской «тюрьме народов», а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз» («К. П.», с. 4).

Структуру управления страной Солженицын предлагает строить снизу вверх, используя российские традиции и опыт наиболее нравящихся ему политических деятелей дореволюционного периода. В местное земство, по мнению писателя, должно избираться какое-то число законодателей («гласных»), которые затем утвердят подотчетных им административных лиц (в малых населенных пунктах — одного человека). В уезде они же изберут земскую управу, которая создаст в качестве исполнительного органа уездное земское собрание. Выборы на этом уровне должны быть преимущественно прямые и открытые, двухступенные же — только при значительной территории и густоте населения. Уездные земские собрания, в свою очередь, избирают областные земские собрания. Прямые общегосударственные выборы в центральный парламент Российской Союз, по убеждению писателя, не могут быть плодотворными из-за географической обширности и бытовых условий нашей страны; только выборы трех-, четырехступенные могут привести к победе кандидатов уже оправдавших себя и «укорененных в своих местностях». Центральный парламент — Всеземское собрание — Солженицын предлагает создать из делегатов областных собраний России, Украины и Белоруссии. Этот орган должен, по его мнению, состоять из Палаты Союза и Палаты Национальностей. Предполагается, что главой государства будет президент, избираемый на 5—7 лет всенародным голосованием из нескольких кандидатов, выдвигаемых Всеземским собранием («К. П.», с. 14—15). На территории Российской Союз писатель проектирует создание 40 самоуправляющихся «провинций» с исторически сложившимися центрами, которые в состоянии стать средоточием экономической деятельности, культуры, образования, «самодостаточных библиотек» и издательств («К. П.», с. 7). Привычное слово «губерния» не употребляется, но речь идет, несомненно, о чем-то очень похожем на дореволюционное губернское деление.

Ссылаясь на здравый смысл и «богатый думский опыт». Солженицын утверждает, что государственные решения нельзя отдавать на голосование по большинству, что нужен учет позиции меньшинства и особых мнений отдельных государственных деятелей. Идеальным ему представляется достижение консенсуса по всем обсуждаемым вопросам. «В нашей истории, — говорится в брошюре, — для того есть прочное подобие: Земский Собор в Московской Руси. Как писал Д. Шипов: когда у нас собирались Земские Соборы, то не происходило борьбы между Государем и Соборами, и неизвестны случаи, когда бы Государь поступил в противность соборному мнению: разойдясь с Собором, он только ослабил бы свой авторитет. Соборность — это система доверия; она предполагает, что нравственное единство возможно и достижимо» («К. П.», с. 15—16).

* * *

Совершенно очевидно, что все приведенные высказывания Солженицына о прошлом, настоящем и будущем нашего отечества не были случайно возникшими импровизациями. Напротив, они образуют тщательно продуманную, внутренне

цельную мыслительную конструкцию. Исходя из нее, он систематизирует всю накапливаемую информацию, вырабатывает свое отношение к существующей действительности и прогнозирует пути ее трансформации, оценивает смысл и значение тех или иных исторических событий, место и роль в них отдельных личностей. По своему идейно-теоретическому содержанию историко-социологическая концепция Солженицына имеет немалое сходство с романтической историографией первой половины прошлого века, особенно с ее российской разновидностью, характерной для славянофильства предреформенного периода, в чем-то также с почвенничеством Достоевского, отчасти с христианским универсализмом Вл. Соловьева, с религиозно-нравственным подходом к историческим процессам, характерным для Бердяева.

Обоснованно убежденный в полной бесперспективности коммунистического строительства, где бы оно ни осуществлялось, Солженицын весьма скептически относится и к тем, кто идеал общественного устройства видит в современном капитализме. Наилучшим выходом для своей родины писатель фактически считает возвращение к тем порядкам, которые существовали в России накануне первой мировой войны, да и то при условии, что они будут несколько скорректированы на основе опыта допетровской эпохи. Нет оснований сомневаться в том, что Солженицын горячо стремится к самому правдивому освещению прошлого, что в отличие от многих писателей он не берет факты из чужих рук, а из всех сил старается докопаться до первоисточников, критически сопоставить их свидетельства. Однако несомненно и то, что, когда реальные факты вступают в противоречие с его историко-социологической концепцией, автор «Красного колеса» не всегда решает спор в их пользу.

Солженицыну главной опасностью для человечества кажется бездуховность. В отличие от него Сахаров признавал дефицит духовности важным негативным фактором нашей общественной жизни, но главную опасность видел в термоядерном оружии и разделении человечества на две враждующие друг с другом социально-политические системы — социалистическую и капиталистическую. Будущее мирового сообщества он связывал с двусторонней, взаимной конвергенцией двух систем и разоружением, с быстрым всеохватывающим научно-техническим прогрессом, всесторонней демократизацией государственной и общественной структур, постепенной ликвидацией нависшей над человечеством экологической опасности. Решать все эти задачи Сахаров считал возможным и необходимым только в глобальном масштабе, с непременным учетом особенностей и жизненных интересов отдельных народов, регионов, культур и идеологий. Планы и прогнозы ученого, касающиеся будущего всего человечества и народов нашей страны, представляются мне более обоснованными и реалистичными, чем то, что предлагает Солженицын.

Такая оценка историко-социологической концепции писателя вовсе не исключает признания высоких достоинств его исторической прозы. Приводимый Солженицыным огромный фактический материал не только увеличивает занимательность тех его произведений, в которых речь идет о прошлом нашей страны, но имеет и большую познавательную ценность. Однако, читая эти произведения, не следует забывать о том, с каких позиций оценивались автором соответствующие события и исторические деятели. В произведениях Солженицына на историческую тему привлекательно и плодотворно горячее стремление содействовать нравственному самосовершенствованию и духовному росту человека. Что же касается его проекта переустройства общества, то в нем, несмотря на самые благие намерения автора, трудно не заметить черты консервативной утопии.